

УДК 165.12

DOI: 10.32326/2618-9267-2026-9-2-178-196

СУБЪЕКТНОСТЬ УЧЁНОГО В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ К ГИБРИДНОЙ КОГНИТИВНОЙ СИСТЕМЕ

Плешачков Евгений Васильевич

– аспирант высшей школы общественных наук, начальник отдела информационных ресурсов.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29,
e-mail: pleshachkov@gmail.com,
ORCID: 0009-0002-4054-2632

Стремительное развитие цифровых технологий и проникновение искусственного интеллекта в повседневную научную практику ставят перед философией науки и техники задачу переосмысления категории субъектности учёного. Цель статьи – выявить и систематизировать основные конфигурации субъектности учёного, формирующейся в условиях цифровых сред. Методологическим основанием исследования является концепция постнеклассической научной рациональности В.С. Стёпина в сочетании с принципом соответствия Н. Бора, обосновывающим сосуществование различных конфигураций субъектности. Также в качестве вспомогательной оптики используются методологическая схема философского анализа Д.И. Дубровского (онтологический, гносеологический, аксиологический, праксеологический планы), концепция распределённого познания Э. Хатчинса, акторно-сетевой подход и концепция саморазвивающихся полисубъектных сред В.Е. Лепского. Основным результатом исследования является авторская типология четырёх сосуществующих в настоящее время конфигураций субъектности учёного: индивидуальной, коллективной, распределённой и гибридной. Научная новизна заключается в сведении многообразия современных интерпретаций субъектности учёного к структурированной типологической модели, увязывающей конфигурации субъектности с типом научной рациональности и характером цифровых сред, а также в обосновании их одновременного, а не последовательного существования в современной научной практике. Практическая значимость исследования заключается в разделении качественно различных вызовов субъектности учёного, возникших в цифровую эпоху. Перспективы развития исследования связаны с формированием вектора дальнейшего изучения институциональных форм организации науки, вопросов академической этики и нормативного регулирования в сфере взаимодействия исследователя с системами искусственного интеллекта.

Ключевые слова: субъектность учёного, постнеклассическая рациональность, цифровизация науки, гибридная субъектность, мегасайнс, цифровая среда науки

Цитирование: Плешачков Е.В. Субъектность учёного в цифровой среде: от индивидуального исследователя к гибридной когнитивной системе // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2026. Т. 9. № 2. С. 178-196. DOI: 10.32326/2618-9267-2026-9-2-178-196

Рукопись получена: 17 мая 2026

Пересмотрена: 17 июня 2026

Принята: 19 июня 2026

THE SCIENTIST'S SUBJECTIVITY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: FROM THE INDIVIDUAL RESEARCHER TO THE HYBRID COGNITIVE SYSTEM

Eugenii V. Pleshachkov – post-graduate student of the Higher School of Social Sciences, Head of the Mass-Media Department. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 29 Politekhnicheskaya Str., Saint Petersburg 195251, Russian Federation; e-mail: pleshachkov@gmail.com, ORCID: 0009-0002-4054-2632

The rapid development of digital technologies and the permeation of artificial intelligence into everyday scientific practice pose for the philosophy of science and technology the task of rethinking the category of the scientist's subjectivity. The aim of the article is to identify and systematize the main configurations of the scientist's subjectivity that emerge in digital environments. The methodological foundation of the research is V. S. Stepin's concept of post-non-classical scientific rationality combined with N. Bohr's correspondence principle, which grounds the coexistence of different configurations of subjectivity. As auxiliary optics, the study also draws on D. I. Dubrovsky's four-level scheme of philosophical analysis (ontological, epistemological, axiological and praxeological planes), E. Hutchins's concept of distributed cognition, the actor-network approach, and V. E. Lepsky's concept of self-developing polysubjective environments. The main result of the research is the author's typology of four currently coexisting configurations of the scientist's subjectivity: individual, collective, distributed and hybrid. The scientific novelty lies in reducing the diversity of contemporary interpretations of the scientist's subjectivity to a structured typological model that links the configurations of subjectivity with the type of scientific rationality and the character of digital environments, as well as in substantiating their simultaneous rather than successive existence in contemporary scientific practice. The practical significance of the research consists in distinguishing qualitatively different challenges to the scientist's subjectivity in the digital age. The prospects for further research are connected with shaping a direction for the further study of the institutional forms of the organization of science, issues of academic ethics, and the normative regulation of the researcher's interaction with artificial intelli-

gence systems.

Keywords: scientist's subjectivity, post-non-classical rationality, digitalization of science, hybrid subjectivity, MegaScience, digital environment of science

How to cite: Pleshachkov, E.V. (2026). The scientist's subjectivity in the digital environment: from the individual researcher to the hybrid cognitive system. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 9 (2): 178-196. DOI: 10.32326/2618-9267-2026-9-2-178-196 (In Russian).

Received: 17 May 2026

Revised: 17 June 2026

Accepted: 19 June 2026

Введение

Современная наука функционирует в условиях фундаментальных изменений, сопоставимых по масштабу с глобальными научными революциями прошлого. Однако в отличие от прежних парадигмальных сдвигов нынешняя трансформация затрагивает не только научную картину мира, но и весь спектр взаимосвязанных сфер общественной жизни, в том числе научно-промышленную, социальную, экономическую, коммуникационную и культурную. Развитие цифровых технологий длительное время укладывалось в логику предложенной Эрнстом Каппом идеи органопроекции, согласно которой техника интерпретировалась как инструментальное продолжение человеческих органов во внешнюю среду. По аналогии с молотом, продолжающим и усиливающим силу руки, ранние цифровые устройства – от первых персональных компьютеров до современных суперкомпьютерных систем – могли рассматриваться как средства расширения когнитивных возможностей познающего субъекта. Однако стремительное развитие интеллектуальных технологий, прежде всего генеративного искусственного интеллекта, выводит ситуацию за пределы органопроекции: эти технологии не только усиливают, но и оспаривают монополию познающего субъекта на когнитивную деятельность, претендуя на относительно автономное участие в производстве знания.

В этом контексте особую философско-методологическую значимость приобретает категория субъектности учёного, выступающая как основа его автономного целеполагания, методологической рефлексии и научной деятельности в целом. Под субъектностью в настоящей работе понимается способность к автономному, рефлексивному и преобразующему действию, которая проявляется при постановке исследовательских задач, выборе методов, отстаивании результатов и принятии ответственности за производимое знание. От смежных категорий субъективности (комплекса индивидуальных переживаний и ценностных установок) и идентичности (социально-ролевой характеристики) субъектность отличается именно своим деятельным, преобразующим характером.

Современные цифровые технологии трансформируют эту научную деятельность, смещая акцент с индивидуального познающего субъекта на гибридное межсубъектное взаимодействие, которое включает в когнитивное поле сложную систему отношений «человек – общество – машина». При этом цифровизация развивается параллельно с глобальным процессом прагматизации науки, в рамках которого функция смыслообразования вытесняется ориентацией на прикладную эффективность, а финансирование становится важнейшим критерием оценки исследований (Савчук, Очеретяный, 2021, с. 45). Цифровизация выступает одновременно средой и инструментом этой прагматизации, но вместе с тем приводит к фундаментальной модификации когнитивных и социальных оснований научной деятельности.

Несмотря на значительный объём современных исследований, касающихся философии науки и техники и посвящённых отдельным аспектам трансформации научного субъекта в цифровую эпоху, в отечественной и зарубежной литературе отсутствует систематическая типологическая модель цифрового познающего субъекта, которая позволила бы представить многообразие существующих подходов в едином концептуальном поле. Большинство авторов фокусируется на отдельных феноменах цифровизации в науке: мегасайнс, искусственный интеллект как соавтор научного творчества, алгоритмическая зависимость, метрическая власть платформ. Между тем теоретическая интеграция этих исследований требует выработки общей рамки, увязывающей различные конфигурации субъектности с типом научной рациональности и характером цифровой среды.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и систематизации основных конфигураций субъектности учёного, которые формируются в условиях цифровых сред, и в их типологизации, опирающейся на концепцию постнеклассической рациональности и современные подходы к коллективному и распределённому познанию. Для реализации этой цели необходимо решить следующие задачи: обосновать методологический аппарат исследования, описать трансформацию идеала научной объективности, проанализировать типы субъектности учёного и построить обобщающую типологическую модель.

Методологические основания исследования

Методологической основой исследования выступает концепция постнеклассической научной рациональности В.С. Стёпина, согласно которой исторические типы научной рациональности (классический, неклассический и постнеклассический) различаются по тому, что оказывается в фокусе их рефлексии. Классическая рациональность фокусировалась на объекте при элиминации субъекта, неклассическая включила в поле внимания средства и операции познавательной деятельности, постнеклассическая помещает в центр анализа также цен-

ностно-целевые структуры субъекта и его включённость в социокультурные коммуникативные системы. Три типа научной рациональности удовлетворяют принципу соответствия Н. Бора и обеспечивают преемственность научного знания: переход от деятельностного к субъектно-деятельностному и далее, к субъектно-ориентированному подходу, не отменяет предшествующие парадигмы (Лепский, 2023, с. 188). Это позволяет рассматривать различные конфигурации субъектности учёного не как взаимоисключающие, а как сосуществующие в современной научной практике.

В качестве рабочей оптики используется предложенная Д.И. Дубровским методика исследования философских оснований искусственного интеллекта, включающая следующие уровни: 1) онтологический, 2) гносеологический, 3) аксиологический, 4) праксеологический. Категории этих уровней «не редуцируемы друг к другу... вместе с тем они взаимополагаемы и взаиморефлексируемы в том смысле, что рассмотрение проблемы в одном категориальном плане предполагает... её рассмотрения в других» (Дубровский, 2023, с. 10).

Однако развёрнутое применение этой оптики представляется задачей отдельных исследований. В настоящей статье акцент сделан на онтологическом и гносеологическом планах, что подразумевает анализ изменений природы познаваемой реальности и способов существования субъектов в ней, а также перераспределения когнитивных функций между человеком и нечеловеческими акторами. Аксиологические и праксеологические следствия описываемых процессов затрагиваются только в той мере, в какой это необходимо для целостного анализа, однако их всестороннее рассмотрение, как представляется, может стать предметом отдельного исследования.

В качестве вспомогательных методологических инструментов привлекаются концепция распределённого познания Э. Хатчинса, акторно-сетевой подход в его применении к науке (Б. Латур, Дж. Ло), концепция саморазвивающихся полисубъектных сред В.Е. Лепского и подход семиотико-цифровой сложности В.И. Аршинова и В.Г. Буданова. Эти концепции рассматриваются не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие, фокусирующие внимание на различных аспектах процесса трансформации научной субъектности.

Использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный метод, метод концептуальной реконструкции, а также метод типологизации, применённый при построении итоговой модели.

Историческая эволюция идеала научной объективности

Категория субъектности учёного исторически рассматривалась в неразрывной связи с идеалом научной объективности; содержание же самого идеала не оставалось неизменным. Прослеживая

трансформацию этого идеала, Е.Н. Яркова выделяет три его последовательные конфигурации: антисубъективность классической науки, интересубъективность неклассической и интеробъективность цифровой науки (Яркова, 2025, с. 87). В классической парадигме объективность достигается через элиминацию наблюдателя, то есть субъект редуцируется к идеализированной точке, которая не оказывает влияния на исследуемый объект. Неклассическая парадигма признаёт неустранимость средств наблюдения и встраивает их в структуру знания; объективность здесь обеспечивается интересубъективным согласием научного сообщества. Постнеклассическая парадигма характеризуется тем, что технические системы, такие как алгоритмы, базы данных, цифровые инфраструктуры, становятся полноправными участниками познавательного процесса. Объективность в таком случае достигается в контексте взаимодействия гибридной сети «человек – техника – данные».

Эта траектория согласуется с предложенной В.С. Стёпиным концепцией трёх исторических типов научной рациональности и её развитием в работах В.Е. Лепского, согласно которому переходу от классической к неклассической и далее, к постнеклассической рациональности, соответствует переход от деятельностного к субъектно-деятельностному и, наконец, к субъектно-ориентированному подходу (Лепский, 2023, с. 189). Классический деятельностный подход опирался на дихотомию «субъект – объект», неклассический фокусировался на межсубъектных взаимодействиях, постнеклассический же, субъектно-ориентированный подход разворачивается в системе «субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда», в которой метасубъект включает в себя совокупность взаимодействующих человеческих и нечеловеческих акторов.

С.А. Лебедев отмечает ведущую роль экстернализма в формировании научного знания, что является особенностью постнеклассической эпистемологии. Так, социальные, исторические, культурные, институциональные и аксиологические факторы познавательного процесса рассматриваются как равные по значимости с теоретическим и эмпирическим уровнями познания. Важно подчеркнуть, что подобная реконфигурация не означает релятивизации научного знания: «Отсюда вовсе не следует, что различные виды и единицы знания обладают одинаковой степенью неопределённости и неоднозначности» (Лебедев, 2013, с. 81). Речь идёт лишь о признании сложности и многомерности процесса производства научной истины.

В.И. Аршинов и В.Г. Буданов предлагают рассматривать современную цифровую реальность в контексте семиотико-цифровой сложности. В рамках этой концепции социотехнический ландшафт является коэволюцией техники и социума, в которой наблюдатель выступает основополагающим смысловым элементом. Подобно тому как в квантовой механике невозможно вывести акт наблюдения за пределы изучаемого процесса, в социотехнической реальности познавательный процесс невозможно отделить от

позиции рефлекслирующего наблюдателя (Аршинов, Буданов, 2020, с. 114). Тем самым формируется новая методологическая ситуация: познание сложных саморазвивающихся систем требует полиокулярной оптики, которая способна удерживать одновременно и предметную, и субъектную, и средово-инструментальную составляющие познавательного акта.

Таким образом, в рамках постнеклассической рациональности субъектность учёного не может рассматриваться как изолированное от среды качество и выступает в качестве конфигурации сложной полисубъектной среды.

*Коллективный субъект научного познания:
мегасайнс и гражданская наука*

Первой фундаментальной трансформацией субъектности учёного в современную эпоху стал переход от индивидуального к коллективному субъекту научного познания. Е.В. Масланов фиксирует, что, начиная с середины XX в., в ряде естественно-научных дисциплин коллективный характер научной деятельности приобретает качественно иной характер: «Теперь уже сложно себе представить, чтобы исследования в области физики высоких энергий, астрофизики или медицины и геномной инженерии вёл один учёный или научный коллектив, состоящий лишь из нескольких учёных. Формируется мегасайнс – наука больших научных коллективов, работающих с дорогостоящим научным оборудованием» (Масланов, 2020, с. 4). Так, например, в глобальной коллаборации учёных на Большом адронном коллайдере разделена не только когнитивная нагрузка, но и ответственность за полученные результаты.

В практике мегасайнс субъектом научного открытия на макроуровне является не один из представителей разнородной группы индивидов, а коллектив исследователей как единое целое со своей внутренней иерархией и с механизмами распределения ролей. Индивидуальный исследователь сохраняет автономию лишь в выборе способов решения локальной задачи, однако выбор научной стратегии и ответственность за результат относятся к масштабному коллективу в целом. Такие мегапроекты требуют выработки особых подходов к совместному научному творчеству и последующему распределению авторства.

Ещё одним фактором формирования коллективного субъекта познания является гражданская наука (citizen science). Е.В. Масланов подчёркивает, что наряду с возникновением мегасайнс растущая сложность научных исследований приводит и к иному феномену – включению в реализацию исследовательских проектов непрофессионалов (Масланов, 2020, с. 10). Несмотря на то, что массовое участие волонтеров в гражданской науке имеет преимущественно вспомогательный, исполнительский характер, а целеполагание и интерпретация результатов остаются прерогативой профессиональных учёных, практики гражданской науки форми-

руют расширенный познавательный субъект, который включает разнородные эпистемические позиции.

В.В. Савчук и К.А. Очеретяный приводят показательный пример компьютерной игры “Foldit”, разработанной в Вашингтонском университете. В ней коллективная интуиция игрового сообщества была успешно мобилизована для решения задач биоинформатики и фолдинга белка, ранее оказавшихся не по силам ни классическому экспертному сообществу в условиях ограниченных ресурсов, ни новейшим цифровым технологиям, поскольку все они «ориентированы на прошлый опыт, а не на любой возможный, в том числе и идущий наперекор прошлым результатам» (Савчук, Очеретяный, 2021, с. 48). Этот случай демонстрирует, что субъектом научного открытия может становиться не индивидуальный разум и даже не формальный междисциплинарный коллектив мегасайнс-проекта, а спонтанно возникающая и стихийно самоорганизующаяся сетевая общность, функционирующая в гибридной цифровой среде.

Сходную линию рассуждения развивает Р. К. Бальцерсен, рассматривающий онлайн-энциклопедию «Википедия» как пример действия глобального коллективного интеллекта (Baltzersen, 2022, p. 2). В этом случае речь идёт преимущественно об агрегации повседневного, а не строго научного знания, однако сам принцип формирования энциклопедии через распределённую сетевую координацию автор сравнивает с доцифровыми коллективными системами обмена знаниями между субъектами, что началось ещё с наскальных рисунков. Подобную консолидацию, по мнению исследователя, можно сравнить с инновационными подходами к решению глобальных проблем, требующих немедленной консолидации научных и политических сил по всему миру – как, например, во время пандемии COVID-19.

Л.В. Шиповалова отмечает неопределённо широкое проблемное поле, в котором функционирует современная наука, и называет закономерной интеграцию новых акторов (например, рядовых городских жителей) в процессы распределённого познания в условиях распределённого характера рисков и фундаментальной неопределённости (Шиповалова, 2019, с. 60). Безусловно, это приводит к трансформации традиционной научной строгости, однако одновременно активизирует дополнительные источники эмпирических данных и расширяет совокупные когнитивные возможности познавательной системы.

Таким образом, коллективная сущность субъектности учёного может реализовываться в двух взаимосвязанных плоскостях: в организованных глобальных мегасайнс-проектах и в распределённом сетевом сообществе гражданской науки или сетевой кооперации. В обоих случаях носителем когнитивной активности выступает уже не индивидуальный исследователь, а коллективное образование с собственной внутренней архитектурой.

Распределённое познание и движимая данными наука

Остановимся подробнее на концепции распределённого познания Э. Хатчинса, получившей особое звучание в цифровую эпоху. На примере совместного управления судном Хатчинс показал, что когнитивная система может включать не только человека, но инструменты и среду: одновременное использование несколькими членами команды разных корабельных приборов, сопоставление их показаний и применение независимых методов навигации обеспечивают эпистемическую надёжность получаемого знания именно благодаря распределению когнитивных функций между человеческими и нечеловеческими элементами системы (Hutchins, 1995, p. 49). Однако подобный способ производства знания невозможен без слаженной координации индивидуальных субъектов при условии функционального разделения ролей. Возрастающие при этом риски, связанные с делегированием когнитивных функций, актуализируют необходимость разработать новые эффективные механизмы распределения ответственности и обеспечения обособности требуемого уровня доверия, как отмечает В.А. Шапошников (Шапошников, 2018, с. 171).

Параллельно с развитием концепции распределённого познания в современной науке утверждается феномен больших данных как новой познавательной среды. Согласно классической формулировке Д. Лэни, большие данные характеризуются тремя ключевыми параметрами – объёмом, скоростью и разнообразием (Laney, 2001). Р. Китчин дополнил эту схему такими характеристиками, как стремление к исчерпывающему охвату, высокая детализация, реляционность и масштабируемость (Kitchin, 2014, p. 1). Совокупность этих характеристик предполагает появление методов работы качественно иного типа и становится катализатором глобальных изменений в самой структуре производства научного знания.

Наиболее радикальную интерпретацию этих изменений предложил Дж. Грей, введя в научный оборот концепцию четвёртой научной парадигмы. Согласно его формулировке, научное познание исторически проходит через четыре парадигмы: эмпирическую (от Античности до Нового времени), теоретическую (с XVII в.), вычислительную (с середины XX в.) и парадигму данных, ведущим инструментом которой становятся большие массивы данных, а главным источником научного знания – алгоритмическая работа с ними (Delaney, Barga, 2009, p. XVIII). Грей подчёркивает, что учёные получают доступ к своим данным лишь на довольно позднем этапе этого процесса, поскольку первичная обработка осуществляется специализированным программным обеспечением. Ключевое следствие четвёртой парадигмы, по Грею, состоит в изменении позиции учёного: из непосредственного наблюдателя и аналитика он превращается в интерпретатора результатов, полученных в значительной мере без его прямого участия.

Современные исследователи фиксируют ряд ограничений концепции четвёртой парадигмы. С.И. Платонова отмечает, что невозможно исключить субъективную позицию исследователя при анализе и интерпретации больших данных – это особенно характерно для социально-гуманитарных наук. Платонова призывает сочетать количественные исследования с качественными, чтобы сохранить доверие к новой парадигме (Платонова, 2020, с. 19). С.А. Смирнов не склонен поддерживать системообразующую роль больших данных в становлении новой парадигмы, отводя им скорее роль триггера в череде глобальных изменений. Одновременно автор фиксирует утрату учёным эксклюзивного права на научную деятельность и говорит о перераспределении познавательных ролей между исследователями и инженерами больших данных. Согласно наблюдению Смирнова, авторы концепции четвёртой парадигмы «готовы отдать цифровым агентам работы не только по сбору, обработке и хранению БД, но и по содержательному анализу и пониманию информации» (Смирнов, 2022, с. 11), что ставит под вопрос саму возможность сохранения за учёным центральной роли в производстве знания.

Д. Райбс отмечает, что появление больших данных подразумевает зарождение новой эпистемологии науки вне зависимости от предметной области. Так, конкретная предметная область знания, будь то геология или математика, оперирующая присущими ей инструментами и данными, является доменом. В отличие от этой концептуально определённой области, домен-независимые методы и инструменты больших данных становятся универсальным подходом к производству знания, основанным на использовании алгоритмов, вычислений и статистического анализа. Таким образом, data science позиционирует себя как универсальная наука, способная переходить между доменами, создавая средства совместимости между ними. (Ribes, 2018, p. 514). Эта трансформация формирует новую фигуру исследователя данных, чья экспертиза локализована не в предметной области, а в самом аппарате обработки данных.

Концепция data-движимой науки во многом пересекается с теорией коллективного интеллекта, порождённого повсеместным распространением доступа в Сеть на заре развития Интернета. В конце XX в. Пьер Леви предложил концепцию коллективного интеллекта как новой, распределённой в пространстве цифровой вселенной знаний, объединяющей человечество в одну универсальную сеть генерации новой информации. Согласно Леви, новая глобальная сетевая система непрерывно координируется участниками в режиме реального времени и самосовершенствуется. Концепт эмерджентной природы цифрового знания, порождённого Глобальной паутиной, схож с концепцией ноосферы, предложенной В.И. Вернадским. А.М. Жаров на конкретных примерах вычислительной биологии, где интеграция алгоритмических моделей с геномными данными привела к беспрецедентной точности анализа экспрессии генов, показывает: ключевую роль играют не сами

исследователи, а «соединение их достижений в коллективный опыт», обеспечиваемое цифровыми платформами; именно благодаря такой совместной работе были разрушены барьеры между вычислительными науками и молекулярной биологией (Жаров, 2024, с. 9).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что субъектность учёного в цифровую эпоху распределена по гибридной сети «субъект – большие данные – алгоритмическая обработка», где каждый элемент вносит свой вклад в формирование результата, усиливая познавательную функцию всей системы.

*Гибридная субъектность: искусственный интеллект
как соактор научного познания*

Качественно новой ступенью трансформации научной субъектности выступает формирование гибридной конфигурации, в которой системы искусственного интеллекта рассматриваются уже не как пассивные инструменты, а как активные участники познавательного процесса. В.Г. Буданов фиксирует фундаментальную неопределённость и неполную прозрачность выводов, генерируемых при участии технологий искусственного интеллекта, и предлагает рассматривать эту ситуацию в рамках посткритической рациональности. Эта оптика признаёт отказ человека от притязаний на эксклюзивное право быть суверенным источником научного познания (Буданов, 2024, с. 31). При этом сохраняется существенная оговорка относительно непрозрачности логики машинного интеллекта для естественного, что трансформирует научный этос и требует от учёного определённого доверия к работе в режиме онтологического риска. Культурная матрица искусственного интеллекта оказывается значительно шире, чем у отдельного субъекта познания, поскольку нейросети способны обучаться в контексте множества культурных и языковых традиций, сосуществующих одновременно.

В.Е. Малахова вводит понятие «псевдосубъекта», существующего в форме технологий искусственного интеллекта. Согласно позиции автора, современный уровень развития нейросетевых технологий уже позволяет машине формулировать промежуточные цели исследования, однако искусственный интеллект всё ещё не может составить конкуренцию познающему природному субъекту. Машинный интеллект способен обучаться и оценивать собственное состояние, имитируя поведение человека так, что в некоторых случаях «человек может далеко не сразу понять, что общается с ИИ, а не с другим индивидом» (Малахова, 2023, с. 43). Отсюда следует важная методологическая осторожность: иллюзорная субъектность искусственного интеллекта не должна автоматически интерпретироваться как наличие у него подлинной субъектности.

Эту осторожность разделяет А.А. Грибков, отмечая зависимость целеполагания систем искусственного интеллекта от логики,

запрограммированной разработчиками (Грибков, 2025, с. 121). Похожую позицию занимает А.В. Недяк, выделяя лишь некоторые признаки сознания у технологии искусственного интеллекта, которые, тем не менее, не позволяют говорить о полноценной субъектности в её философском понимании (Недяк, 2025, с. 104).

Подводя промежуточный итог, отметим, что ряд современных исследователей занимают схожую позицию и признают искусственный интеллект разве что актором в процессе производства научного знания, но никак не полноправным субъектом. Это формирует особую конфигурацию субъектности, в которой автономия и ответственность сохраняются за человеком-исследователем, но значительная часть когнитивных операций – от формулировки гипотез до анализа промежуточных выводов – фактически может распределяться между человеком и машиной. Эту конфигурацию мы и обозначаем как гибридную. Рассматривая эту трансформацию через призму акторно-сетевого подхода, А.М. Жаров фиксирует, что цифровые инфраструктуры выступают не пассивным фоном, а активными акторами, формирующими траекторию научного поиска. В такой системе научное знание становится результатом своеобразной эволюции человеческих и нечеловеческих агентов, которая стирает строгие границы между субъектом и объектом, культурой и природой, обществом и технологией (Жаров, 2024).

Риски гибридизации субъектности отмечает А.В. Кравец, опирающийся на хайдеггеровское понятие «постав» (Gestell). Автор исследует, как цифровые технологии превращают человека в «состоящее-в-наличии» (Bestand), в исчислимый и управляемый ресурс, поведение, внимание и эмоции которого испытывают колоссальное влияние всеобщей цифровизации и алгоритмической оптимизации. В сфере производства знаний это проявляется как стандартизация творческих и интеллектуальных процессов, происходящая под влиянием алгоритмических систем (Кравец, 2024, с. 129). Эффективность производства знания, возрастающая благодаря делегированию операций искусственному интеллекту, может оборачиваться атрофией когнитивных навыков самого учёного. Х. Балалле и С. Паннилаге в этой связи ставят вопрос о необходимости переопределить принципы академической добросовестности применительно к эпохе генеративных моделей, использование которых «девальвирует исследовательский дух, создавая по сути виртуальных учёных – соавторов научных текстов» (Balalle, Pannilage, 2025, p. 4).

Гибридная конфигурация субъектности, таким образом, представляет собой амбивалентный феномен. Расширение когнитивных возможностей учёного с помощью цифровых технологий одновременно ставит под вопрос его автономию. С нашей точки зрения, адекватным методологическим ответом на этот вызов современности может стать выработка новых подходов к гибридным исследованиям, чётко разграничивающих распределение когнитивной

нагрузки между естественным и искусственным интеллектом при усилении ответственности человека за результат.

*Типология конфигураций субъектности учёного
в условиях цифровизации*

Систематизация рассмотренных подходов позволяет предложить типологию основных конфигураций субъектности учёного, сосуществующих в современной науке. В основу типологии положены три взаимосвязанных критерия: носитель когнитивной активности (кто познаёт), способ распределения ответственности (кто отвечает за результат) и характер эпистемического доверия (на чём основано принятие результата как истинного). Принципиально важным является то, что выделяемые конфигурации не образуют линейной последовательности, в которой одна сменяет другую: в соответствии с принципом соответствия Н. Бора и логикой включения парадигм рациональности они сосуществуют, реализуясь в различных дисциплинарных и институциональных контекстах.

В *таблице 1* представлена сводная характеристика четырёх выделяемых конфигураций.

***Таблица 1. Типология конфигураций субъектности учёного
в условиях цифровизации***

Критерий \ субъект- ность	Индивиду- альная	Коллектив- ная	Распреде- лённая	Гибридная
Носитель когнитивной активности	Индивидуальный исследователь	Организованный исследовательский коллектив	Гетерогенная сеть «человек – инструмент – данные»	Связка «человек – система искусственного интеллекта»
Тип научной рациональности	Классический	Неклассический	Постнеклассический	Постнеклассический <i>(с элементами посткритической рациональности, по Буданову)</i>
Способ распределения ответственности	Личная авторская ответственность	Коллегиальная, через институциональные процедуры	Функционально-ролевая, требует протоколов координации	Сохраняется за человеком при распределённой когнитивной нагрузке

Критерий \ субъект- ность	Индивиду- альная	Коллектив- ная	Распреде- лённая	Гибридная
Основание эпистемического доверия	Авторитет автора, методологическая прозрачность	Консенсус научного сообщества	Воспроизводимость работы сети, валидация показаний приборов	Верификация результата человеком, объяснимость моделей
Характерные практики	Гуманитарные и теоретические дисциплины, классическая монография	Мегасайнс, гражданская наука, междисциплинарные коллаборации	Data-driven наука, вычислительная биология, экспериментальная физика	Использование генеративных моделей в дизайне исследования и анализе
Ключевые риски	Когнитивная ограниченность, субъективные искажения	Размывание индивидуальной ответственности	Кризис доверия между участниками, утрата контекста	Алгоритмическая зависимость, утрата прозрачности обоснования

Источник: разработано автором.

Предложенная типология позволяет исключить ложное противопоставление классического и цифрового учёного, которое нередко встречается в научных дискуссиях о трансформации науки. Все четыре выделенные конфигурации субъектности могут реализовываться в рамках деятельности одного и того же исследователя даже в пределах одного рабочего дня. Работая над статьёй в одиночестве, учёный выступает как индивидуальный субъект познания. Коллективная работа в лаборатории может быть примером взаимодействия в научном коллективе. Обращение к массивам больших данных в той или иной мере рассматривается как функционирование элемента распределённой познавательной сети. Использование генеративной модели искусственного интеллекта для предварительного обзора представляется как гибридная человеко-машинная связка. Речь идёт не о последовательной смене типов, а о динамическом чередовании субъектных позиций, что само по себе составляет характерную черту исследовательской практики постнеклассической эпохи.

Предложенная типология также позволяет уточнить основные риски, связанные с цифровизацией науки. В индивидуальной конфигурации субъектности ключевой риск сосредоточен на уровне самого исследователя – например, в части исчерпаемости его когнитивных возможностей. В коллективной конфигурации этот риск трансформируется и происходит размывание персональной ответственности за производимое знание. В распределённой конфигурации на первый план выходит кризис эпистемического доверия

между разнородными элементами сети. Наконец, в гибридной конфигурации ключевым становится риск алгоритмической зависимости на фоне того, что обоснование получаемых выводов утрачивает прозрачность.

Заключение

Проведённый анализ позволяет зафиксировать трансформацию субъектности учёного, происходящую в эпоху стремительного развития цифровых технологий. В настоящее время субъектность учёного из атрибута индивидуального познающего сознания становится элементом сложной полисубъектной системы, которая включает индивида, инструменты, данные и технологии искусственного интеллекта. Разумеется, трансформация не подразумевает безоговорочного упразднения индивидуального исследователя. Она означает, что его положение перестаёт быть данностью и становится результатом методологического выбора.

Предложенная типология четырёх конфигураций субъектности – от индивидуальной до гибридной – не образует иерархии, в которой одна форма подчинена другой. В соответствии с принципом соответствия Н. Бора, более ранние конфигурации сохраняются как частные случаи при переходе к более сложным, но вместе с тем конкретный исследователь даже в рамках одного рабочего дня может последовательно демонстрировать реализацию всех четырёх форм субъектности.

Важным следствием указанных разграничений субъектности учёного является спецификация рисков, связанных с цифровизацией науки. Так, когнитивная ограниченность индивидуального познающего субъекта, размытие границ ответственности в коллективной субъектности, кризис доверия в распределённой или же алгоритмическая зависимость в гибридной – являются качественно различными вызовами, а не проявлениями одной и той же угрозы в разных условиях. Это раскрывает суть формирования и реализации субъекта научной деятельности в различных цифровых средах современной науки. В таком случае традиционные этические критерии производства научного знания в индивидуальной конфигурации субъектности учёного (например, авторская добросовестность, прозрачность методологии, личная ответственность) перестают быть необходимым и достаточным условием при производстве научного знания, происходящем в рамках гибридной конфигурации субъектности учёного. Конечно, речь идёт не о демонтаже признанной нормативной архитектуры производства знания в новой цифровой среде, однако представляется важным уточнение границ субъектности учёного, в том числе в части условий взаимодействия интеллекта естественного и искусственного, а также верификация результатов и границы делегирования когнитивных функций.

Современная наука функционирует в режиме постоянного перехода между конфигурациями субъектности, а осознанное управление этими процессами становится одним из ключевых условий сохранения научного этоса в цифровую эпоху. Ситуация, при которой учёный де-факто действует в гибридной конфигурации, но оперирует категориями индивидуальной субъектности, порождает этические разрывы. Устранение этих разрывов требует философско-методологической рефлексии.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с конкретизацией аксиологических и праксеологических следствий предложенной типологии, намеренно вынесенных за рамки настоящей работы. Наиболее актуальными направлениями можно назвать разработку нормативных рамок взаимодействия учёного с генеративными моделями в различных дисциплинарных контекстах, а также эмпирическое исследование того, каким образом реальные исследователи осознают собственные переходы между конфигурациями субъектности и рефлексиируют на этот счёт.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Аршинов, Буданов, 2020 – *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Социотехнические ландшафты в оптике семиотико-цифровой сложности // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 106-116. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-106-116>

Буданов, 2024 – *Буданов В.Г.* Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 27-52. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-3-27-52>

Грибков, 2025 – *Грибков А.А.* Рождение субъектности у искусственного интеллекта: фантастика или реальная угроза? // Философские науки. 2025. Т. 68. № 1. С. 116-132. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-1-116-132>

Дубровский, 2023 – *Дубровский Д.И.* К анализу и систематизации основных методологических вопросов оценки социальной значимости развития искусственного интеллекта в условиях глобального кризиса мировой цивилизации // Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию / Ред. В.Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2023. С. 8-21.

Жаров, 2024 – *Жаров А.М.* Сетевые структуры знаний: эволюционный и социальный аспекты // Философия науки. 2024. № 2 (101). С. 6-18. <https://doi.org/10.15372/PS20240201>

Кравец, 2024 – *Кравец А.В.* Интеллектуальная техника и угрозы для субъектности человека // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 3. С. 123-141. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-3-123-141>

Лебедев, 2013 – *Лебедев С.А.* Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // *Философские науки.* 2013. № 4. С. 69-83.

Лепский, 2023 – *Лепский В.Е.* Субъектность в эволюции научной рациональности, кибернетики и ИИ // *Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию* / Ред. В.Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2023. С. 188-190

Малахова, 2023 – *Малахова В.Е.* Этические и аксиологические понятия как критерии оценки современных технологических инноваций // *Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию* / Ред. В.Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2023. С. 38-59

Масланов, 2020 – *Масланов Е.В.* Коллективный субъект научного познания: мегасайенс, гражданская наука, контрэкспертиза // *Философия науки.* 2020. № 3 (86). С. 4-17. <https://doi.org/10.15372/PS20200301>

Недяк, 2025 – *Недяк А.В.* Возможен ли диалог с техносубъектом? Архитектуры искусственного интеллекта и признаки сознания // *Философские науки.* 2025. Т. 68. № 3. С. 93-113. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-3-93-113>

Платонова, 2020 – *Платонова С.И.* «Четвёртая парадигма» научных исследований и социогуманитарные науки // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2020. Т. 23. № 3. С. 7-24. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.1>

Савчук, Очеретяный, 2021 – *Савчук В.В., Очеретяный К.А.* Социокультурные ориентиры познания и проблемы научного творчества в медиамире // *Эпистемология и философия науки.* 2021. Т. 58. № 2. С. 43-50. <https://doi.org/10.5840/eps202158226>

Смирнов, 2022 – *Смирнов С.А.* К вопросу о четвёртой парадигме в науке // *Философия науки.* 2022. № 4 (95). С. 4-18. <https://doi.org/10.15372/PS20220401>

Шапошников, 2018 – *Шапошников В.А.* Распределённое познание и математическая практика в цифровом обществе: от формализации доказательств к пересмотру оснований // *Эпистемология и философия науки.* 2018. Т. 55. № 4. С. 160-173. <https://doi.org/10.5840/eps201855474>

Шиповалова, 2019 – *Шиповалова Л.В.* Распределённое познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // *Социология науки и технологий.* 2019. Т. 10. № 3. С. 56-71. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-13003>

Яркова, 2025 – *Яркова Е.Н.* Цифровизация как фактор трансформации научного мышления и научной деятельности // *Философия науки.* 2025. № 1 (105). С. 83-98. <https://doi.org/10.15372/PS20250107>

Balalle, Pannilage, 2025 – *Balalle H., Pannilage S.* Reassessing academic integrity in the age of AI: a systematic literature review on AI and academic integrity // *Social Sciences & Humanities Open.* 2025. Vol. 11. No. 1. Article no. 101229. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101229>

Baltzersen, 2022 – *Baltzersen R. K.* Cultural-Historical Perspectives on Collective Intelligence: Patterns in Problem Solving and Innovation. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 468 p.

Delaney, Barga, 2009 – *Delaney J. R., Barga S. R.* A 2020 vision for ocean science // *The Fourth Paradigm: Data-Intensive Scientific Discovery* / Ed. by T. Hey, S. Tansley, K. Tolle. Redmond: Microsoft Research, 2009. Pp. 27-39

Hutchins, 1995 – *Hutchins E.* Cognition in the Wild. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995. 379 p.

Kitchin, 2014 – *Kitchin R.* Big data, new epistemologies and paradigm shifts // *Big Data & Society*. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 1-12. <https://doi.org/10.1177/2053951714528481>

Laney, 2001 – *Laney D.* 3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity, and Variety [Research Note]. Stamford: META Group, 2001. 4 p.

Ribes, 2018 – *Ribes D.* STS, meet data science, once again // *Science, Technology & Human Values*. 2018. Vol. 44. No. 3. Pp. 514-539. <https://doi.org/10.1177/0162243918786630>

References

Arshinov, V. I., Budanov, V. G. (2020). Sociotechnical landscapes through the optics of semiotic-digital complexity. *Issues of Philosophy*, 8, 106-116. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-106-116> (In Russian)

Balalle, H., Pannilage, S. (2025). Reassessing academic integrity in the age of AI: a systematic literature review on AI and academic integrity. *Social Sciences & Humanities Open*, 11 (1), article no. 101229. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101229>

Baltzersen, R. K. (2022). *Cultural-Historical Perspectives on Collective Intelligence: Patterns in Problem Solving and Innovation*. Cambridge University Press.

Budanov, V. G. (2024). Technosubject and anthroposocial problems of interaction with artificial intelligence: synergy, demarcation, new rationality, risks. *Philosophical Sciences*, 67 (3), 27-52. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-3-27-52> (In Russian)

Delaney, J. R., Barga, R. S. (2009). A 2020 vision for ocean science. In T. Hey, S. Tansley, K. Tolle (Eds.), *The Fourth Paradigm: Data-Intensive Scientific Discovery* (pp. 27-39) Microsoft Research.

Dubrovsky, D. I. (2023). On the analysis and systematization of the main methodological issues of assessing the social significance of artificial intelligence development in the context of the global crisis of world civilization. In V. E. Lepsky (Ed.), *Subject-Oriented Approach to Innovative Development* (pp. 8-21). Kogito-Center Publ. (In Russian)

Gribkov, A. A. (2025). The emergence of subjectness in artificial intelligence: fiction or a real threat? *Philosophical Sciences*, 68 (1), 116-132. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-1-116-132> (In Russian)

Hutchins, E. (1995). *Cognition in the Wild*. The MIT Press.

Kitchin, R. (2014). Big data, new epistemologies and paradigm shifts. *Big Data & Society*, 1 (1), 1-12. <https://doi.org/10.1177/2053951714528481>

Kravets, A. V. (2024). Intelligent technology and threats to human subjectness. *Philosophical Sciences*, 67 (3), 123-141. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-3-123-141> (In Russian)

Laney, D. (2001). *3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity, and Variety [Research Note]*. META Group.

Lebedev, S. A. (2013). Post-non-classical epistemology: main concepts. *Philosophical Sciences*, 4, 69-83. (In Russian)

Lepsky, V. E. (2023). Subjectness in the evolution of scientific rationality, cybernetics and AI. In V. E. Lepsky (Ed.), *Subject-Oriented Approach to Innovative Development* (pp. 188-190). Kogito-Center Publ. (In Russian)

Malakhova, V. E. (2023). Ethical and axiological concepts as criteria for evaluating modern technological innovations. In V. E. Lepsky (Ed.), *Subject-Oriented Approach to Innovative Development* (pp. 38-59). Kogito-Center Publ. (In Russian)

Maslanov, E. V. (2020). The collective subject of scientific knowledge: megascience, citizen science, counter-expertise. *Philosophy of Science*, 3 (86), 4-17. <https://doi.org/10.15372/PS20200301> (In Russian)

Nedyak, A. V. (2025). Is a dialogue with a technosubject possible? Architectures of artificial intelligence and signs of consciousness. *Philosophical Sciences*, 68 (3), 93-113. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-3-93-113> (In Russian)

Platonova, S. I. (2020). The “fourth paradigm” of scientific research and the social sciences and humanities. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23 (3), 7-24. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.1> (In Russian)

Ribes, D. (2018). STS, meet data science, once again. *Science, Technology & Human Values*, 44 (3), 514-539. <https://doi.org/10.1177/0162243918786630>

Savchuk, V. V., Ocheretyany, K. A. (2021). Sociocultural guidelines of cognition and problems of scientific creativity in the media world. *Epistemology and Philosophy of Science*, 58 (2), 43-50. <https://doi.org/10.5840/eps202158226> (In Russian)

Smirnov, S. A. (2022). On the fourth paradigm in science. *Philosophy of Science*, 4 (95), 4-18. <https://doi.org/10.15372/PS20220401> (In Russian)

Shaposhnikov, V. A. (2018). Distributed cognition and mathematical practice in digital society: from formalization of proofs to revision of foundations. *Epistemology and Philosophy of Science*, 55 (4), 160-173. <https://doi.org/10.5840/eps201855474> (In Russian).

Shipovalova, L. V. (2019). Distributed cognition and its boundaries in the context of public scientific communication. *Sociology of Science and Technology*, 10 (3), 56-71. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-13003> (In Russian)

Yarkova, E. N. (2025). Digitalization as a factor of transformation of scientific thinking and scientific activity. *Philosophy of Science*, 1 (105), 83-98. <https://doi.org/10.15372/PS20250107> (In Russian)

Zharov, A. M. (2024). Network structures of knowledge: evolutionary and social aspects. *Philosophy of Science*, 2 (101), 6-18. <https://doi.org/10.15372/PS20240201> (In Russian)